

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Оформление серии *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

Михайлова, Евгения.

М69 Имитация страсти : роман / Евгения Михайлова. —
Москва : Эксмо, 2020. — 288 с. — (Детектив-собы-
тие).

ISBN 978-5-04-111045-1

Василиса считала, что ее карьера удалась. Роскошная жизнь в Америке, богатый муж — о чем еще может мечтать бывшая модель? Но на самом деле их семейная жизнь под угрозой...

Ксения наконец-то смогла устроиться в Штатах. Вначале ей понравилось работать няней в шикарном особняке, однако потом Ксения поняла, куда попала, но было уже поздно...

Для бывшего криминального авторитета Александра сытая и обеспеченная жизнь скучна и однообразна. Но с бизнесом начались проблемы, а партнеры решили подвести в самый неподходящий момент...

Как известно, бывших бандитов не бывает, и, если ты решишь связать свою жизнь с одним из них, — приготовься к худшему...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111045-1

© Михайлова Е., 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Посвящается
Евгении Леоновне Баклановой-Уитфильд,
человеку, который видит свет открытий
во мраке тайн...*

АВТОР

*Все события и персонажи романа
вымышленные.
Совпадения с реальными фактами
случайны...*

Часть первая

РАБОТОДАТЕЛИ

ОНА

Когда я впервые увидела Василису, она показалась мне моложе своих тридцати лет. Это была женщина, которую в ряду точно таких же с ходу не узнаешь. Воительницы многочисленных отрядов моделей, которые идут по земле походкой от бедра, впиваясь в почву острием каблуков на туфлях огромного размера. У каждой одна скромная и великая цель — выйти замуж за богатого.

Василиса была замужем. Меня наняли в няни к ее двум мальчикам — трех и шести лет. Я стояла перед ней на толстом белом ковре, а она развалилась в кресле, вытянув длинные ноги вперед и врозь, остро и, как мне показалось, презрительно рассматривала меня узкими черными глазами. Она была в очень коротких шортах и крошечной поло-

ске ткани на плоской груди. Я проехала по жаре больше ста километров, забыла взять в дорогу воду, но из гордости не просила ни разрешения сесть, ни стакан воды. Отвечала на ее вопросы, откровенно и внимательно разглядывая ее лицо — крепкие лицевые кости правильной конструкции, туго обтянутые ровной, блестящей от крема кожей, — сильные руки, ноги, мускулистую впадину вместо живота, длинную жилистую шею. И вставила мягко, как будто в восхищении:

— Извините, что так смотрю на вас. Вы, конечно, модель?

Это был безошибочный ход. Василиса заулыбалась, показывая два ряда сверкающих имплантов. Предложила мне сесть на кресло рядом и рассказала, что в России она была ведущей моделью. Ну, почти ведущей. Да и в Америке ее уже заметили, и один агент даже намекал, что может добыть ей роль в Голливуде.

Я восхищалась, удивлялась, хотя слышала много раз все эти истории праправнучек нелепой, жалкой и убогой Насти из пьесы Горького «На дне». Они становятся миллионершами, носят наряды откутю, живут в самых дорогих местах мира, оставаясь в душе простыми, часто очень примитивными девчонками из деревень средней полосы России. И через короткое время Василиса уже делилась со мной самыми пикантными подробностями своей

биографии. Принесла поднос с выпивкой, закуской, фруктами. Смотрела, как на подругу, приезда которой еле дождалась. Из чего я сделала вывод, что она очень одинока и в семье, и по жизни. И это обычная история эмигрантки, которая приобрела обилие богатой мишуры в обмен на потерю всех своих самых маленьких и главных привязанностей и привычек.

Дом в элитной местности Санта-Фе, в каком жили Василиса и Александр Груздевы, был отличный, такие стоят несколько миллионов долларов.

Мы подписали договор на довольно скромную, впрочем, сумму, что меня не удивило: русские эмигранты очень скупые, какими бы богатыми они ни были.

Дети спали в детской. Василиса провела меня по комнатам, террасам, саду. Все было прекрасно и очень стереотипно, безлико. Ничего такого, по чему можно судить об эстетических и творческих предпочтениях людей. Так бывает у тех, кто или не обладает вкусом вовсе, или очень боится, что его вкус вульгарен, выдает ничтожность личности.

В саду мы встретили угрюмого типа, который выгуливал двух риджбеков. Василиса представила его мне как Григория, друга семьи, который живет у них. Само по себе это, конечно, странно. Но у меня

уже складывалось определенное ощущение: в этом доме, в этом семействе странным будет многое.

По договору я должна была жить в доме с ночевкой четыре дня в неделю. В пятницу вечером могла ехать домой. Мы с мужем тогда жили довольно далеко от Санта-Фе. Мой Степан работал водителем у американского писателя, который был слепым. Он поселил нас в небольшом, удобном гостевом домике в своем поместье. С Гарри в доме жила прислуга и Эби, секретарь, которая записывала то, что он диктовал.

Потом проснулись мальчики, Василиса нас познакомила. У них были русские имена — Коля и Петя, но родились они в Америке.

— Мы дома говорим только по-русски, — сказала Василиса. — Потому я и искала русскую няню. Хочу, чтобы они знали язык. Вдруг придется вернуться.

Странные слова «вдруг» и «придется». У человека, уверенного в своем положении, ничего такого вдруг не происходит. Или он планирует вернуться, или нет. Мальчики обычные, но не очень похожие на американских малышей — уверенных, коммуникабельных, здоровых и веселых. Эти были довольно робкими, слишком бледными и худыми, на мой взгляд, детьми. Возможно, в доме царит культ модельной диеты, чтобы у Василисы не было проблем.

Этот день у меня был еще нерабочим, я даже без вещей приехала. Поэтому Василиса отправила детей гулять, а мы с ней продолжали болтать обо всем. Она предложила перейти на «ты». В доме были еще кухарка и горничная.

— Вася, — спросила я. — Для тебя принципиально, чтобы детям готовила кухарка? Я это к тому, что хорошо знаю полезную и вкусную детскую кухню, могла бы иногда побаловать мальчиков.

— Да ради бога, — равнодушно сказала Василиса. — Если тебе охота.

Она неплохо говорила по-английски. А ее русский язык выдавал все: и взросление в специфической среде российского «ниже среднего класса», и отсутствие высшего образования, и довольно низкий культурный уровень в принципе.

Проще говоря — откровенные провалы в невежественность у человека со способностью приспособливаться к среде и довольно живым умом. Василиса показалась мне не злой, не мелочной, но и не доброй. Доброта — это сознательная, глубокая категория зрелой личности. Василиса такой не была. И один момент меня в этом убедил окончательно.

Мы говорили на ее любимую тему — о моделях и сказочных перспективах их судеб. И я сказала какие-то хорошие слова о Наталье Водяновой. О ее благотворительности, об облике инфантильной

девочки-подростка, одаренной поэтической и романтической сексуальностью роковой женщины.

Василиса вспыхнула, наговорила гадостей и о Водяновой, и о ее муже. В результате надулась и смотрела на меня подозрительно и с раздражением.

Я поняла, что нашла ее главную болевую точку. Ее апломб, заносчивость, самовлюбленность постоянно натываются на страх разоблачения. Она боится, что люди видят ее вовсе не такой прекрасной, какой она пытается перед ними выглядеть. Это значит, в ее присутствии других можно только ругать, ее хвалить — и все будет в порядке.

Я провела там много часов в тот первый день, а хозяин так и не появился, хотя он был дома. Так сказала Василиса, а кухарка, уточнив у нее, что ему отнести на обед, повезла к его двери сервировочный столик. На нем бутылок было больше, чем тарелок.

ОН

Я приехала с вещами через день, устроилась в отведенной мне комнате на втором этаже, рядом с детской. Мальчики опять тихо, практически без звука сидели у себя, складывали какие-то кубики, не разговаривая даже друг с другом.

Это были дети, уверенные в том, что они никому не интересны, в том, что их главная задача — не причинять взрослым неудобств.

Василиса, при полном параде, пила в гостиной кофе.

— Ксения, — сказала она мне. — Присядь, выпей со мной кофе, потом можешь сходить на кухню — нормально поесть. Хочешь, Маше скажи, чтобы тебя покормила. Хочешь, сама сделай то, что любишь. Можешь, как собиралась, и ребятам что-то приготовить. Я надолго.

И она перечислила дела на этот день. Главным была консультация у пластического хирурга. В зависимости, как там пройдет, показ мод известного дизайнера, список магазинов. И, что характерно, ни одной встречи с подругами, как обычно бывает у праздных богатых дам.

— Не представляю, зачем тебе пластический хирург, — сказала я, тонко намекнув на то, что она — практически совершенство.

На самом деле у Василисы была пусть и стандартная, но вполне завершенная внешность. Именно умеренность, жесткость, отсутствие ярких излишеств были ее достоинствами, как в архитектурном строении.

— Да ладно, — кокетливо отмахнулась она, оценив комплимент. — Ты просто не представляешь себе, как это бывает. Прожить почти тридцать лет

без еды, без груди, без зада. Чувствовать себя просто вешалкой для самого узкого платья. Это одни разговоры, что нами все восхищаются. Конечно, когда ты стильно одета, покрашена как надо, да еще длиннее всех в зале, даже мужиков, это вроде даже шикарно. А потом в постели тебе любая пьяная скотина скажет, какая ты страшная и костлявая, как у него на тебя не стоит. И все лишь для того, чтобы не заплатить. И тебе жить не хочется, а надо вставать и опять маршировать на тридцатисантиметровых каблуках по подиуму. Мне нечем было кормить детей — ни молока, ни того места, где оно могло бы поместиться. Мне больно сидеть на своих костях. А собственный муж пялится на фото голой Мэрилин Монро — с ее выменем и большими губами. — Василиса глубоко задумалась и уныло добавила: — Губы — это единственное, что я могла накачать, когда работала. Но то времени не было, то сил, то денег.

Вывод из всего сказанного один: Василиса не была даже отдаленно прямой среди моделей.

— Понятно, — подвела я итог ее откровений. — Не мое дело, конечно, но на всякий случай скажу. С пластическими хирургами главное — вовремя остановиться. Твой стиль — сдержанность, напряженная выразительность. Так мне кажется.

— Здорово ты говоришь, мне нравится. Ты где-то училась?

— Я — кандидат математических наук. Была им в России. Как я здесь оказалась, об этом потом, если будет интересно. Но я люблю детей, и мне нравится моя работа сейчас.

— Ну ни фиги себе. Так я у тебя буду просить помощи, чтобы разбираться с деньгами, ладно?

— Разумеется.

Василиса уехала. Я прошла на кухню, объяснила Маше, что хочу приготовить детям суфле из яиц и творога с клубникой на второй завтрак.

— А у них нет второго завтрака, — заметила она.

— Теперь будет. Им не хватает веса, румянца и хорошего настроения. Они даже не загорели. И это в таком сказочном климате. В саду — шикарный бассейн, но я не видела там мячей, детских матрасиков. Думаю, они не купаются.

— Нет, конечно, — засмеялась Маша. — Ну давай, делай революцию. Если что, я с тобой. Тут не сильно весело.

Коля и Петя глотали мое суфле потрясенно, время от времени они синхронно останавливали на мне общий вопросительный взгляд: «У нас что-то хорошее случилось?»

Я собрала посуду и понесла поднос на кухню. Нужно было пройти через гостиную, и я там чуть не налетела на высокого человека с бритой головой и продолговатым загорелым лицом, на котором